

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

60

ТОМ ПЯТЫЙ
(ШЕСТИДЕСЯТЫЙ)

1933

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

KRAUS REPRINT LTD.

Nendeln, Liechtenstein

1966

Джизакское восстание 1916 г.

События, которые разыгрались в Туркестане во второй половине 1916 г., в самый разгар провала царизма на военном фронте, несомненно должны рассматриваться, как один из моментов в подготовке революции 1917 г. Это ясно видно по всем ходу и характеру событий 1916 г. в Средней Азии, где широкие массы крестьянства и полупролетаризированных ремесленников города поднялись против царистского владычества.

Развитие капитализма в Туркестане перед революцией 1917 г. шло в условиях консервации старых докапиталистических форм эксплуатации. Это противоречие между развитием производительных сил и производственными отношениями явилось основной причиной того революционного взрыва, который охватил в 1916 г. ряд районов Узбекистана, Киргизии, Казахстана и др., перебросившись на ряд уездов Сибири, Нижнего Поволжья (Жалмыкия) и Сев. Кавказа, где существовали сходные формы и характер эксплуатации коренного населения.

Начавшись с протеста против набора в тыловые части действующей армии, движение 1916 г. в дальнейшем превратилось в вооруженное восстание в ряде районов, затянувшись местами на несколько месяцев и потребовав отвлечения военных частей с фронта для его ликвидации.

За все время владычества в среднеазиатских колониях бывшая Российская империя не знала восстания подобного размаха. Это была первая крупная колониальная революция XX века, до сих пор недостаточно освещенная в нашей исторической литературе.

Публикация документов об отдельных этапах и районах движения только что начата. Помимо отдельных публикаций «Красного архива» (см. тт. XVI и XXXIV), появился также сборник документов, изданный Среднеазиатским научно-исследовательским институтом истории революции при Средазбюро ЦК ВКП(б) и Централхивом УзССР «Восстание 1916 года в Средней Азии» (Ташкент, 1932 г.). Без таких публикаций чрезвычайно трудно дать достаточно полное освещение этого движения, а такое освещение имеет важное значение с точки зрения нашей борьбы с остатками еще недобитых классовых врагов. В первую очередь оно должно служить разоблачению великодержавного русского кулачества, возбуждающего национальную рознь и изображающего события 1916 г. в Средней Азии, как националистическое разбойничье движение против несчастных русских «культуртрегеров» и переселенцев, как реакционное движение, руководимое муллами и феодалными верхушечными слоями¹⁾. Вместе с этим, правдивое освещение событий 1916 г. должно ударить и по националистическому шовинизму туземных верхушечных слоев, раздувающих национальные моменты движения 1916 г. и замазывающих его классовую природу. Разработка истории восстания

¹⁾ См. об этом документы в моей книге „15-летие восстания в Средней Азии“.

в Средней Азии в 1916 г. несомненно имеет также очень важное значение, как опыт колониальной революции в эпоху империализма, уроки которого могут быть использованы и нашими товарищами из братских компартий за рубежом СССР, особенно в странах Востока.

Восстание в Джизакском уезде, документы которого публикуются ниже, было одним из наиболее ярких моментов в событиях 1916 г. в районах Узбекистана. Умиритель восстания в Средней Азии в 1916 г. ген. Куропалькин назвал события в Джизакском уезде «открытым восстанием». Так оно и было на деле. По своей экономической структуре Джизакский уезд того времени должен быть отнесен к зерновым районам, причем площадь под зерновыми культурами доходила до 91 процента. В этом уезде важное значение также имели садоводство и особенно виноградарство. Утеснение местного населения шло по линии захвата земель в связи с подготовкой орошения Голодной степи. Значительную часть этих земель захватил представитель царской династии князь Н. К. Ромазов. Наряду с этим шел нажим на население по линии водопользования и лесопользования. Местное население не пускали в лес даже за хворостом. Режим пользования горными лесами для пастбищ год от году становился все суровей и суровей. В Джизакском уезде было также сильно развито кочевое киргизское скотоводство, причем русские переселенцы в Голодной степи захватывали наиболее ценные угодья кочевников.

Движение протеста против политики колонизаторов широко охватило как оседлые, так и полукочевые районы.

Усиливавшееся отнятие земель у местного населения и особым лесным режимом объясняются убийства во время восстания лесной стражи и партии статистиков министерства земледелия¹⁾. Близость Джизакского уезда к крупным центрам края, его расположение по линии железной дороги и вблизи орошаемой Голодной степи создавали для населения большую, чем в других районах Узбекистана, возможность культурного и политического развития. Буржуазные круги г. Джизака и отдельные их представители в волостях несомненно находились в связи с бухарскими панисламистами, и их влияние на движение нельзя недооценивать, хотя подтверждающих материалов по этому вопросу до сих пор раздано очень немного.

Интересно отметить, что по персональной разверстке набора в тыловые отряды на Самаркандскую обл., в которую входил Джизакский уезд, падало 35 тыс. После протеста представителей администрации от хлопковых районов Туркестана, заявивших, что набор в их районах может сорвать уборку хлопка (по этому поводу были тревогу и московские текстильные фабрики), это число было повышено до 38 тыс., причем внутриобластное распределение проводилось и для самой Самаркандской области таким образом, что на хлопковые районы этой области падал меньший процент «реквизируемого» населения, чем на зерновые районы. В связи с этим Джизакский уезд, как зерновой, оказался в самом невыгодном положении по числу мобилизуемых: к уезда надо было взять 10 600 человек.

Начало событий в Джизакском уезде относится ко 2 июля 1916 г., когда в старом городе Джизаке русские чиновники собрали представителей населения и объявили им о мобилизации. Ответственность за выполнение была возложена на выбранных на собрании 13 человек, от которых была взята подписка с обязательством представить в течение 10 дней требуемое число призываемых в тыловое соединение. «Ильичбаши» (пятидесятники) из местного населения совместно с представителями русских чиновников составили списки мобилизуемых так, что сыновья «баев» и «авторитетных» лиц в них не попали: в них осталась, главным

¹⁾ См. об этом «Красный архив» т. XXIV, стр. 67.

образом, беднота. Десятидневный срок миновал. 12 июля пристав и врачи приехали в старый город, и, согласно спискам, начался призыв. К вечеру в одном из районов старого города призыв был окончен. На утро предполагалось произвести призыв в другом районе. В публикуемых ниже телеграммах главного умиротворителя восстания ген. Брофеева военному министру от 1 августа и других документах достаточно подробно рассказывается о дальнейшем ходе событий: о появлении в Джизаке посланного на разведки в Ташкент ишана¹⁾ Назыр Ходжа Абдусаламова, сообщившего, что в Ташкенте после бунта мобилизация на время «ураза» (поста) отменена. В ночь на 13-е июля состоялось собрание в старом городе Джизаке, на котором было решено отобрать списки призываемых. Это и было сделано утром 13 июля, причем был убит районный управитель Мирза Яр Худояров, угрожавший толпе револьвером, и сожжено его управление.

Тут же был брошен лозунг «газавата», Назыр Ходжу провозгласили беком (он это отрицал на допросе, но это подтверждается воспоминаниями т. Алимханова, имеющимися в нашем распоряжении). Толпа, вооруженная палками, ножами, серпами и пр., бросилась в новый город Джизака с требованием отмены набора рабочих. Назыр Ходжа шел во главе толпы и по случаю восстания отменил «уразу». Навстречу толпе выехал уездный начальник, который обещал прекратить мобилизацию, но из толпы кричали: «Не верьте ему!». Представитель власти схватился за револьвер. Это было сигналом к нападению, и в одно мгновение вся группа «начальства» была перебита. Толпа стойко держалась некоторое время под огнем караульной команды и отступила в старый город лишь после нескольких залпов, оставив десятки убитых туземцев. В старом городе повстанцы всех поставили на ноги: все стали готовиться к бою и вооружаться, чем попало, срочно запасаться продуктами, мобилизовали всех мастеров для изготовления шапек, топоров и холодного оружия.

Затем повстанцы, не встретив сопротивления (немногочисленная команда заперлась в казармах нового города), бросились на ж.-д. станцию и произвели здесь разрушение, оборвали телеграфные провода, подожгли бак с нефтью, разрушили казармы рабочих и другие ж.-д. сооружения. Порче колотна помогали ж.-д. рабочие из коренного населения. Попутно избивались ж.-д. служащие и вообще вся попадавшаяся под руку русская администрация.

По направлению к ст. Ломакино были разрушены пути, мост и телеграфные провода. Также был штурмован путь на перегоне Джизак-Обручево на протяжении 65 верст. Бунтовщиками было убито 16 ж.-д. служащих и совершено нападение на поезд. Русское население Джизака укрылось в крепости. Всю ночь новый город охранялся патрулями и заставами. На следующий день появился карательный отряд полковника Афанасьева, который и подавил восстание в старом городе.

Движение в это время уже перебросилось в уезд, где население также спешно вооружалось; кое-где появились винтовки, и был объявлен поход на помощь восставшим в Джизаке. В ряде районов были выбраны свои беки, ставшие во главе движения. Толпа пехотная двинулась на Джизак, по пути уничтожая квартиры и канцелярии царских чиновников, главным образом полицейских. Всего в Джизакском уезде погибло от рук повстанцев 83 человека и в том числе лесная стража Зааминского лесничества.

¹⁾ Ишаны — члены дервишских орденов в Ср. Азии, которым по наследству или по посвящению передавалась духовная власть над почитателями («муридами»). Они считались чем-то вроде «святых», но принадлежность к духовенству являлась не обязательной. Так Назыр Ходжа Абдусаламов был комиссионером у джизакского торговца жерновом Рахманкульбаева. Он имел небольшой дом и 4 танана земли в Джизаке стоимостью 2 тыс. руб. Ишаны Касым Ходжа в Зааминге и Мухтар Хан в Джизаке, упоминаемые в документах, были более богатыми земледельцами.

Восстание в Джизакском уезде охватило главным образом долину реки Сап-зара, Зааминский и Богданский районы. Во главе движения в Сапзарском районе стал народный судья Турадбеков (из бекского рода).

В Богданском районе был провозглашен ханом некий Абдурахман Абдуджабаров Джевачи — крупный землевладелец (100 дес.) и торговец-подрядчик, призвавший население к объявлению священной войны. Назыр Ходжа и Абдурахман Джевачи объединили свои силы и пытались оказать сопротивление двинувшимся против них карательным отрядам.

Из Ташкента и других городов в Джизакский уезд была брошена целая армия в составе 13 рот, 6 орудий, 3 сотен казаков и 1 роты сапер; но линия ж. д. был глуше бронированный поезд. Чувствуя свое бессилие против этой массы войск, повстанцы прекратили наступление, и группы восставших под руководством Назыр Ходжи Абдусаламова, Абдурахман Абдуджабарова и Турадбекова постепенно стали расходиться по кишлакам. Часть вернулась в города, некоторые пытались пробраться в Афганистан и Бухару. Абдурахман Абдуджабаров сдался. Назыр Ходжа был пойман в степи, где его выдали кочевники-киргизы, не примкнувшие к восстанию. Турадбеков скрылся.

Карательный отряд под командой полковника Иванова обрушился на коренное население уезда. Началось жесточайшее усмирение. Один из переживших это усмирение рассказывает:

«Иванов дал приказ стрелять, сжигать, конфисковать домашние вещи и сельскохозяйственные орудия. Отряды отправились по кишлакам, вещи сжигали, кого встречали, в того и стреляли, женщин насиловали и чинили другие зверства. В кишлаках сжигали посевы и дома, а готовую пшеницу увозили. Население бежало в города, бросая свое хозяйство. Начался голод. Женщины бежали, оставляя детей. Беженцы голодали в далеких степях и в городах».

Список сожженных кишлаков дается в документах.

В Джизаке и уезде было произведено множество арестов с преданием военному суду.

20 августа в Джизак приехал ген. Куропаткин. Сначала он посетил могилы убитых чинов русской администрации, вызвав почетных лиц города и «милостиво» заявил им: «Всех вас следовало бы повесить, но мы оставляем вас живыми, чтобы вы могли быть устрашающим примером для других. Место, где был убит полковник Рукин, загородить радиусом в 5 верст. Это будет принадлежать государству. Немедленно выселить население, которое находится на этой территории».

Эти жесткие приказы царского сатрапа были выполнены.

В рапорте царю об этом событии Куропаткин писал: «В Джизакском уезде мною было объявлено населению о конфискации у него около 2 000 десятин земли на участке, где была пролита кровь русских людей, из них 800 десятин незастроенной земли числящейся в черте города, остальные 1 200 десятин, предназначенные к конфискации, представляют несколько заселенных участков, на которых было убито 73 русских. Эта мера содействовала отрезвлению туземного населения и удержала от вооруженного нападения колебавшихся».

Движение в районах Узбекистана можно характеризовать, как движение преимущественно дехканское. Ему не хватало прежде всего руководства. Если в Джизакском уезде у восставших появились организаторы в лице ишана Абдусаламова и отпрысков бекского рода Абдуджабарова и Турадбекова, которые выкинули белое знамя национального освобождения, то все же это движение ни в коем случае нельзя трактовать, как реакционное, феодальное. Широкие массы дехканства и городских ремесленников боролись против угнетающего, их русского империализма. Их требования были недостаточно оформлены и само движение не успело выкристаллизоваться, но все же оно было таким демократическим нацио-

нальным движением, которое в период империализма помогало пролетарской борьбе, помогало — по словам Ленина — «обострению и расширению кризиса», т. е. революционного движения.

Следует запомнить также факт активного участия в восстании ж.-д. рабочих из коренного населения, разрушавших пути сообщения во время джизакского восстания. На них указывает телеграмма ген. Ерофеева военному министру. Но местный и русский фабрично-заводской и железнодорожный пролетариат в крае был настолько немногочислен, неорганизован, что не мог оказать более серьезное содействие дехканско-ремесленническому движению, разгромленному царским правительством.

События 1916 г. имели в дальнейшей истории революции в Средней Азии огромное значение. Они обеспечили отход широчайших масс коренного населения от местных феодальных групп и буржуазии, выступивших против социалистической революции пролетариата. Огромную роль в этом отношении сыграли среднеазиатские «тыловики», побывавшие на фронтах и в революционном тылу 1917 г. и явившиеся, по возвращении домой, глашатаями и застрельщиками пролетарской революции.

А. Шестаков.

Телеграмма ген. Ерофеева военному министру 1 августа 1916 г. № 5816¹⁾.
Петроград. Военному министру. 3 адреса. Министру внутренних дел и генерал-адъютанту Куропаткину.
Таврическая, 19.

Дополнение телеграммы № 5391. Представляю краткое описание беспорядков, начавшихся в Джизакском уезде 13 июля, и действий высланного туда карательного отряда. По получении 13 июля сведений о бунте в Джизаке, убийствах, разрушении пути на протяжении 65 верст на перегоне Обручево — Джизак и самых станций Обручево — Ломакино, был выслан карательный отряд под командой полковника Иванова, бывшего начальника Ходжентского уезда, ныне семиреченского вице-губернатора. Полковник Иванов выяснил на месте в Джизаке следующее. 12 июля в туземную часть города были вызваны к шести часам вечера общественные выборные для составления списков рабочих, подлежащих реквизиции. В пять часов вечера поездом прибыл из Ташкента после беспорядков, бывших там одиннадцатого июля, ишан Назыр Ходжа²⁾ и объявил, что Ташкент решил восстать и не дать рабочих, после чего взволнованное собрание прекратило работу. 13 июля уездный начальник полковник Рукин, городской пристав Зотоглов и переводчик, в сопровождении двух джигитов, отправились в туземный город, куда были завлечены старшим аксакалом города ложным докладом о будто бы возникших беспорядках среди туземцев. Все пятеро по прибытии были окружены толпой, которая, не дав сказать слова, набросилась и зверски их убила, после чего бросилась в русский город, но, встреченная залпами 15 нижних чинов местной караульной команды, дрогнула и бежала мимо станции. Здесь толпа, руководимая железнодорожными ремонтными рабочими, туземцами с дороги, вместе с инструментом примкнувшими к бунтовщикам, начала разрушать путь, мосты, телеграфные провода и станцию Ломакино. По пути бунтовщиками были зверски убиты 13 железнодорожных служащих. Русское население Джи-

¹⁾ ЦАУ УзССР, с. о., ф. № 11, д. № 1140, л. 75—78.

²⁾ В подлиннике: «Ходула».

зака, потрясенное происшедшим, укрылось в церкви. Помощник уездного начальника подполковник Афанасьев, собрав 35 кое-как вооруженных русских, отправился в туземный город, вынес изуродованные тела уездного начальника и пристава. По получении известия о происшедшем в Джизаке восстал Зааминский район, долина рек Санзара и Богданский район, где себя объявил ханом туземец Абдурахман Джевачи. Жертвами восстания пали, кроме убитых в Джизаке и служащих по линии дороги Джизак—Ломакино, зааминский пристав, русское население Заамина, лесная стража Зааминского лесничества и партия статистиков министерства земледелия, всего преданных лютой смерти до 45 мужчин, женщин и детей. Кроме того было захвачено, обращено в мусульманство, подвергнуто надругательствам и уведено в неволю до 70 преимущественно женщин и детей. К 16 июля путь и телеграфное сообщение были восстановлены, но Джизакский уезд находился в состоянии полного восстания. Население покинуло свои кишлаки, а шайки бунтовщиков владели туземным городом, наводняли район железной дороги, продолжая разрушать путь и мосты уже после их исправления. Полковник Иванов установил активную охрану пути и благодаря решительным действиям войск охраны к 18 июля совершенно обезопасил путь. Одновременно по установлении охраны войска отряда заняли прочно Джизак, очистили туземную часть от шаяк и отбросили их не ближе 10 верст от города. Затем был выдвинут отряд в Заамин, который прикрыл предгорную полосу, заняв Заамин—Рабат—Джизак. Подвергаясь несколько раз нападением больших скопищ бунтовщиков, отряды эти их разгромили, обратили в панику, загнали в горы. Для преследования бунтовщиков в горах и разгрома скопищ полковник Иванов выслал три колонны: одну из Заамина и две из Джизака в направлении верховья реки Санзара и перевала Гуралаш Туркестанского хребта. Эти колонны подвергались нападению скопищ, но разбивали и рассеивали их. 21 июля была выслана колонна в Богданский район в сопровождении богданского пристава, который был укрыт сохранившими верность киргизами и 19 июля вернулся в Джизак. Совместные действия перечисленных колонн разобили бунтовщиков, рассеяли скопища, потрясли туземное население, которое, видя наступление возмездия, начало извлекать покорность, выдавать главарей, заявлять готовность выставить рабочих. Для окончательной ликвидации разбитых шаяк мятежников, укrywшихся со своими семьями в глухих горных ущельях не ближе 100 верст от населенных пунктов, 26 и 27 июля были высланы из Джизака две колонны: одна через Ура-Тюбе в Шахристан и другая в верховья Санзара для действия и связи между собой. Отрядами спасено 56 женщин и детей, уведенных в неволю, и выведено шесть русских, которых киргизы укрыли в безопасном месте. Кроме того колоннами захвачено еще 12 главарей и найдено четыре собственноручных письма арестованного ранее главаря мятежников Абдурахмана Джевачи, уличающие его в сбытии священной войны с призывом всего мужского населения для нападения на Джизак. По последним сведениям, горный район обыскан, и присутствие шаяк пока не обнаружено; поиски их, а также нескольких русских, остающихся еще не разысканными, продолжаются. По сведениям местного населения, главный вдохновитель восстания ишан Назыр Ходжа скрывается с киргизами, по другим — он бежал в пределы Бухары. Потери отряда полковника Иванова замученными и зверски убитыми: один казак и один нижний чин, ранен один казак. Силы отряда, распределенного как для охраны большого участка пути, так и в гарни-

зон Джизака — подвижные колонны составляют двенадцать рот, шесть орудий, три сотни казаков и три четверти роты сапер. При пехотных частях образованы большие команды ездящей пехоты, для которых лошади с седлами взяты реквизицией № 5816. Ерофеев.

Протокол допроса обвиняемого ¹⁾.

1916 года, августа 6 дня, судебный следователь Самаркандского окружного суда допрашивал в камере своей нижепоименованного в качестве обвиняемого, и он на первоначальные расспросы по 403 ст. уст. угол. судопр. показал:

В о п р о с ы.

1. Имя, отчество и фамилия или прозвание
2. Возраст во время совершения преступления
3. Место рождения (губерния, уезд, волость, село или деревня)
4. Место приписки (город или село)
5. Постоянное местожительство (временное пребывание)
6. Рождение (законное или вне брака)
7. Звание (состояние, сословие, чин, где служил)
8. Народность и племя
9. Религия
10. Какое получил образование или вообще знает ли грамоту
11. Семейные отношения
12. Занятие или ремесло
13. Степень имущественного обеспечения
14. Особые приметы (глух, слеп, нем и т. п.)
15. В каких отношениях состоит к пострадавшему от содеянного преступления
16. Был ли на призыве или когда подлежит призыву к исполнению воинской повинности
17. Был ли под судом и если был, то какому подвергался наказанию
Не имеет ли особых заслуг и отличий
Имеет ли паспорт

О т в е т ы.

Назыр Ходжа
Абдусаламов

41 лет

гор. Джизак
кв. Мулькандлик

Брачное

Сарт

Магометанская

Грамотный
Жена Шарapat; один сын и одна дочка
Комиссионер у торговца Рахманкульбая Маулянкульбаева и его сына Рашида Рахманкульбаева
Владею домом и 4 танапами земли, стоимостью в 2 000 р. в гор. Джизаке

Под следствием состою, под судом не был

Паспорт был у меня

¹⁾ ЦАУ УзССР, с. о., ф. № 2, д. № 164а; лл. 97—98. Начало документа представляет печатный бланк с пропусками для заполнения. Этот и все следующие документы, явленные на того же дела, представляют собой копии, сделанные с подлинников, находившихся в недошедшем до нас деле «О восстании в городе и станции Джизак».

В предъявленном мне обвинении, изложенном в постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого, какое мне объявлено, я не признаю себя виновным и в свое оправдание объясняю. Это неправда; я вовсе не состою в Джизаке ишаном. На меня теперь все сваливают вину — и мусульмане жалуются и проклинаят и русские ловят меня, а я между тем не виноват.

В субботу (9/VII) я поехал в Ташкент по поручению моего хозяина Рахманкульбая покупать для него жернова. В Ташкенте остановился я в чайхане «Каль-ишан» в квартале Ярманка ¹⁾. Чайхана по правой стороне улицы, если идти с вокзала, вблизи трамвайной стоянки. В понедельник (11/VII) я слышал, что в Ташкенте были какие-то беспорядки, были выстрелы, и убиты три человека из мусульман, а другие были ранены. Беспорядки, говорили мне, возникли из-за набора рабочих для армии. Губернатор приезжал, успокаивал народ и объявил, что набор будет после уразы, что и успокоило публику.

В Ташкенте я ни у кого не бывал, ни с кем не совещался, и никакого намерения устраивать бунт у меня не было. Жерновов у меня не приняли на железной дороге, и я оставил их в сарае у Абдурахмана — карван — фамилии не знаю — в кв. Ярманка, вблизи вокзала. В городе Джизаке известно было, что я поехал в Ташкент; очень может быть, ожидали моего возврата, чтобы узнать, что слышно в Ташкенте, но это неправда, чтобы я ездил по специальному поручению в связи с бунтом. Нет, я ездил по своим делам. Да, джизакский житель Кары Умар был послан местными баями и влиятельными лицами, не умею их переименовать и назвать, я у них не могу бывать, как бедняк в сравнении с ними; этот Кары Умар должен был им, богачам, привезти известие, как делают туземцы в старом гор. Ташкенте. Когда вернулся Кары Умар? Не знаю. Я вернулся из Ташкента во вторник пополудни. Действительно, народ ожидал меня, чтобы узнать кое-что из Ташкента относительно набора, так как во вторник был первый день переписи рабочих, и я в силу этого обстоятельства вдруг сделался видным лицом на весь город. По дороге на ст. Сыр-Дарьинская я встретил знакомых лавочников Мулла Ачиля и Мулла Субханкула (фамилии не знаю), лавки у них в Ак-Тене Чардаринской волости, и с ними я прибыл в старый город Джизак. Здесь я на расспросы сообщил, что в Ташкенте набор отложили до окончания поста и что у нас тоже будет, наверно, отложен; это очень обрадовало народ. Ночь я проспал у себя дома. Никуда на совещания не ходил, слышал, что у пятидесятников в эту ночь у всех их происходили совещания.

В среду утром кто-то сообщил мне, что в квартале Равалик махалинцы (жители квартала) убили старшину Мирза Яра Худоярова за то, что он будто оскорбил какую-то сарынку. Кто убил старшину? Не знаю. Убив старшину, толпа направилась в русский город, я тоже присоединился к толпе узнать, в чем дело, но не был главарем толпы. Толпа, по моему мнению, шла в город, чтобы извиниться перед уездным начальником за убийство старшины и просить прощения, так как старшина был плохой человек. По дороге встретился нам уездный начальник, пристав, переводчик и джигиты. Я слышал, уездный начальник кричал толпе: «Разойтись»; что дальше происходило, я не знаю, так как ушел. Слышал потом позади себя залпы солдат. Толпа разбежалась во все стороны. Часть бросилась на русский город, чтобы разграбить его, а другие по собственной

¹⁾ Неразборчиво.

инициативе стали нападать на железнодорожные будки и казармы, убивать и грабить. Никаких совещаний, планов, организаций не было. По городу многие бегали, как сумасшедшие, кричали, что тот объявил священную войну против русских, другие называли другого, и кто именно объявлял священную войну на самом деле, неизвестно мне. Я не объявлял таковой войны. Так как жители кв. Раватлик убили старшину, последствием чего было убийство уездного начальника и других лиц, то они, таким образом, явились главарями, и они, спасая себя, стали возбуждать толпу на священную войну. Никого из них не помню переименовать.

14 июля с. г. приехала в город толпа в 60—70 человек карабальцев (Чангимацкая волость) за своими товарищами тюремными арестантами. Они окончательно взбунтовали народ. Я тогда, испугавшись бунта, убежал из города, но попал в руки этих карабальцев. Они повели меня к себе и объявили, вопреки моему желанию своим вожаком. Они-то, не знаю их по именам и фамилиям, от моего имени в разные стороны, — не помню уже, куда именно, — стали высылать письма с вызовом к восстанию. Часть писем я даже сам под их угрозами написал. Ко мне примкнули жители селений: 1) Карабаль, 2) Ита-кишлак, Узбекской волости, 3) Кок-Булак, Саурукской волости, 4) Газган, Богданской волости, 5) Куя-Ваш, Узбекской волости, 6) небольшая, в 5—6 человек, группа иранцев. Вся моя толпа в 100—200 человек, часть вооруженная ружьями, пистолетами, а в большинстве палками одними. Письма посылали от моего имени: 1) Алибай, фамилии не знаю, из сел. Кок-Булак Саурукской волости. 2) Ак-Кул, из сел. Кок-Булак, 3) Исраил из сел. Чалкишман и 4) все братья его, не знаю, сколько их было. Моя толпа собралась в сел. Ишан-кишлак, но вскоре разбрелась по отдельным группам в разные стороны и занялась грабедом. Никакого нападения, ни убийства, ни грабежа я со своею толпою не сделал. Когда моя толпа разбрелась, я узнал, что джизакские жители выслали депутацию к Абдурахману Джевачи в сел. Богдан, прося принять их под свое покровительство, и тоже туда отправился к Джевачи. Видел у него, что во главе депутации городских жителей был Шариф, никого больше другого не помню назвать и не знаю, сколько было всего членов депутации. Джевачи, оказалось, объявил священную войну против русских, к тому же к нему и тянулись толпы с разных сторон. Джевачи известен был и раньше в нашем уезде и в окрестностях, он потомок главного джизакского бека, человек богатый, влиятельный; ходили слухи, что у него много оружия снаряжено; Джевачи принял депутацию и на девятый день восстания прибыл с толпой в 500 человек в Джизак; обещал воевать с русскими, распорядился, чтобы лица административные, назначенные русскими, остались на прежних своих местах и исполняли свои обязанности; в знак того, что признают его своим беком, приказал им носить какие-то значки, не знаю, из чего сделанные и какого формата.

Джевачи потом вернулся к себе в горы, и уже назначен был день восшествия его на престол, однако в соседних кишлаках показались солдаты, и все бросились бежать дальше в горы. Торжество возведения на трон Джевачи назначено было вторично на пятницу или субботу в туземном городе Джизаке (22—23/VII), однако в четверг Джевачи повел двух русских женщин к приставу, его арестовали и больше не пустили. Я думаю, что он сделал это нарочно: увидел, что солдат много, что дела сартов плохи, задумал поэтому выручить себя и под видом спасителя русских женщин сдался русским. После того, как он сдался, толпы рассеялись

в разные стороны, я и другие направились в сторону Бухары, но по дороге нас грабили, убивали и ловили киргизы, которые остались верными русским; нам пришлось повернуть обратно, и русские нас мало что ловят.

Я тоже думал с товарищем моим, имамом моего квартала, перейти в Бухару, в Нурагинское бекство, но мы узнали, что там уже наблюдают за появлением бунтовщиков и ловят их, поэтому ушли мы к киргизам, те выдали нас; их Кок-Тюбинский волостной, Джизакского уезда, прислал за нами и повел нас к солдатам.

Я потерял счет дней, быть может, поэтому неточно пояснил, в какой день Джевачи думал объявлять себя беком. Знаю лишь то, что Джевачи собирался назначить таковой срок; — оставалось, кажется, 2—3 дня до этого срока, как он вышел к солдатам. Я не приезжал с Джевачи в Джизак и не узнал, кого именно из туземной администрации он хвалил и поощрял продолжать службу. Джевачи для своих толп установил знамена; я видел, толпы ехали под его предводительством и держали три таких знамени на древках в 2—3 аршина длины, из материи белого цвета, на ней калямом написано было по-мусульмански: «Во имя бога!».

Из главарей, которые были при Джевачи, знаю лишь следующих: 1) Джайнак, который привел толпу из Иланчи, 2) Каландар Ходжа из сел. Сарымсака, он привел своих односельчан и жителей сел. Санарата; 3) джизакский Шариф Байбача привел с собой к Джевачи 5—6 джизакских своих родственников; 4) Токсабат из сел. Ишма, привел своих односельчан. Родственники Джевачи поссорились с ним, стали требовать от него дележа денег, награбленных его толпами, главари других толп тоже стали требовать денег; так как Джевачи денег не дал, то они стали уходить от него, не пожелали дальше воевать.

Больше по делу ничего показать не имею — Прочитано. Переведено. Добавляю: мне лично никогда не приходилось ни слышать, ни участвовать в каких-либо совещаниях о том, чтобы сарты имели восстать против русских на стороне Турции или Германии. Никакой агитации ни из Бухары, ни из Афганистана, ни из других местностей, ни из городов среди нас не было. Если такая агитация была, то единственно лишь Джевачи и Шариф бай могли бы дать указания, а мне ничего неизвестно. Повторяю, я человек маленький, только странное течение обстоятельств вдруг выдвинуло меня главарем своего народа. — Прочитано. Переведено.

Добавляю: я не посылаю никого ни в Заамин, ни Санзар, единственно лишь с Богданом сносился письменно. Не было ли воззваний от моего имени в эти местности, не знаю. Это неправда, чтобы меня носили жители гор. Джизака на носилках, впереди меня зеленое знамя, барабан, кругом вооруженная толпа, чтобы объявлял себя джизакским беком. Нет, Джевачи отказывался от Богдана, а желал лишь Джизак. — Прочитано.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

И. д. судебного следователя Самаркандского окружного суда

Маслянкевич.

При допросе присутствовал товарищ прокурора

Д. Никольский.

Протокол¹⁾

8 августа 1916 года судебный следователь Самаркандского окружного суда в своей камере допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд., который показал:

Прокопий Михайлович Борило, 45 лет, православный, богданский участковый пристав.

Я с 25 октября 1914 года состою богданским участковым приставом. Отношения мои с сартами были хорошие, не замечалось ни разу какой либо ненависти ко мне. Участок свой я знаю хорошо и знаю лиц, занимающих видное положение среди туземцев. Самым видным, влиятельным в моем участке был Абдурахман Джевачи Аблуджабаров; он арендовал на базаре весы, торговал оптом хлопком, шерстью. О том, что он происходил из рода беков, я ничего не слышал. Говорили мне, что Джевачи в молодости занимался разбоями, организовал шайку разбойников, прославился и стал влиятельным поэтому в данной местности, в своем роде чаталиков. Очень может быть, что он влиял на установление цен на базаре, но этого не удалось ни разу установить. В участке существует еще родовая жизнь с родовой мстью, один род время от времени нападает на другой род, происходят драки. Так и случилось в июне месяце, два раза кишлаки напали друг на друга и дрались. Никаких агитаторов в участке у меня не появлялось. Никаких иностранных влияний не замечалось. Когда возникла война, отношения туземцев к властям, повидимому, не изменились. За все время поступило 5 доносов одних туземцев на других; дознанием выяснилось, что будто некоторые туземцы говорили лесобездчикам и другим лицам, что в скором времени будет мусульманский мир, русские все равно будут побеждены, придут в Туркестан другие лица. Одно лишь дознание прошло с обвинением, но по суду тот человек был оправдан. Я не предполагал никаких бунтов. 1-июля с. г. было мною получено высочайшее повеление о призыве рабочих для нужд армии. Когда я 3 июля объявил о предстоящем наборе туземцам, то мне показалось, что встречено это было несочувственно, хотя никто ничего не возражал. В тот же день Джевачи просил у меня разрешение выслать в Джизак посланника, чтобы узнать, как решится в Джизаке поступать. Я не умею объяснить, почему Джевачи обращался за разрешением таким ко мне, когда мог преспокойно послать своего человека без моего ведома. Кто ездил в Джизак, к кому и какое привез известие из Джизака, не знаю. Богданский волостной управитель доносил мне, что в Джизаке еще не выяснено и еще совещаются.

У меня по участку у всех влиятельных лиц тоже пошли совещания, как раз была «ураза», когда сарты собираются по вечерам и устроить совещание очень им легко. Я донес 9 июля с. г. уездному начальнику, что сарты решились «во что бы то ни стало избавиться от наряда рабочих». Никаких мер или приготовления к активному их выступлению однако не замечалось среди них. У Джевачи все время происходили общие совещания лиц, приезжавших из разных кишлаков; что было решено на этих совещаниях, мне не удалось узнать.

До 13 июня с. г. в моем участке все было спокойно. Около шести часов пополудни из гор Джизака прискакал на лошади старшина Устукского общества, Синтабской вол., и объявил в Богдане, что в Джизаке

убиты уездный начальник и пристав, переводчик, старшина и джигиты, толпа разгромила город и, когда ехал, то видел уже пожар на станции Джизак. Донес мне все это богданский волостной управитель. Как раз в Богдане собраны были по моему требованию пятидесятники, старшины, ишаны и ходжи, все почетные люди, так как к 15 июля ожидалось прибытие уездного начальника для производства набора в рабочие. Известие, принесенное старшиной из Джизака, очень быстро распространилось. Я велел немедленно задержать этого старшину, но оказалось, он поскакал к себе в Синтаб и распространил эту весть еще верст 75 дальше за Богдан. Относительно Ташкента о возвращении к священной войне ничего тогда не было слышно. В часов 9 вечера приехал на взмыленной лошади синтабский волостной управитель; он подтвердил слова устукского старшины. Они оба были в Джизаке; как мне удалось выяснить, волостной управитель как раз 13 июля утром был освобожден из арестного дома, а старшина этот находился в Джизаке, ожидая своего волостного, а также и потому, что два-три пятидесятника Устукского общества заключены были под арест уездным начальником за дерзкое обращение при объявлении им о призыве рабочих для нужд армии. У меня нет данных предполагать, что устукский старшина нарочно ожидал в Джизаке 13 июля действий народа в тот день. Как раз в среду у нас богданцы едут толпами на базар в Джизак, каковой бывал по четвергам, поэтому вести о событиях джизакских быстро распространились.

Заметив, что вести из Джизака волнуют народ, я немедленно в тот вечер послал с нарочным в Джизак, прося хоть нескольких солдат для охраны Богдана от волнений. Потом оказалось, что у нарочного перехватили мой рапорт. В Богдане из русских находились: я, мой письмоводитель Сибирцев, акушерка Янковская, служанка ее Ключева и лесобездчик Бабин. Ночью устраивались какие-то совещания у Джевачи и других, но не знаю, о чем совещались. Стражников русских у меня не было. 14 июля с утра вошла ко мне на двор толпа черни человек 100, но вели себя смиренно и никаких заявлений не делали. Вскоре пришли вызванные мною почетные лица, и чернь уступила им место. Я влиял на почетных лиц, чтобы сдерживали чернь, чтобы охранить мой участок от беспорядков. Джевачи, Мулла Абдулла и другие обещали мне это, и, чтобы повлиять на чернь, чтобы доказать черни, что волноваться нельзя, они публично клялись в мечетях не принимать участия со своими людьми в беспорядках, возникших в Джизаке. По просьбе этих лиц я перешел в дом Джевачи, так как они говорили, что своих-то могут сдержать, но чужих, может, им не удастся сразу, но, если со мною случится что-нибудь, то чернь бросится и на других русских. Я так и сделал. Все время туземцы, разговаривавшие со мною, вели себя надлежаще.

14-го вечером я перешел опять к себе на дом переночевать. Письмоводитель Сибирцев выпросил у меня револьвер и заявил, что попытается пробиться в Джизак просить помощи. Ночью тогда же и уехал. Ночью туземец какой-то сообщил мне, что чаталики собираются меня ночью убить, так как днем ишаны и ходжи меня берегут. Я уехал тогда же ночью с переводчиком, уехал в степи к киргизам, так как дошли до меня сведения, что Джевачи послал воззвания к киргизам, приглашая их присоединиться к нему. Зная, какая это большая для всего уезда опасность, если бы степняки присоединились к бунтовщикам, я решил сдержать их. Появившись в Кок-Тюбинской волости, я действительно заметил, как народ стал успокаиваться, и никаких беспорядков не было допущено. У

¹⁾ ЦАУ УзССР, с. о., ф. № 2, д. № 164, лл. 88—92.

киргиз я таким образом пробыл, разъезжая по разным местностям, 15, 16, 17 и 18 июля с. г. В разговорах с ними разъяснил им о силе русского оружия и о действиях пулеметов и пушек.

Проживая у киргизов, я узнал, что 15-го вечером был убит объездчик Бабин, что богданцы напали на больницу, разгромили мою канцелярию и квартиру, похитили казенное и мое имущество и винтовки. 18 июля почетные лица среди киргиз проводили меня в сторону Джизака. По дороге я узнал от кандидата фистальтаусского волостного управителя Синдара Ахмедова, что 15 июля разъезжал по ихней волости, по аулам, Назыр Ходжа джизакский, рассказывал о том, что поднял восстание в Джизаке, провозгласил слова: «Пророк наш завещал: убивай неверных, в том есть богоугодное дело», таким образом объявил священную войну против русских с целью избавиться от наряда рабочих. 19 июля я прибыл в Джизак. 20-го июля вечером я с карательным отрядом выступил на выручку русских, находящихся в Богдане. Еще 18 июля, приближаясь к Джизаку, я узнал от киргиз, что в окрестностях Джизака находился отряд в 600 человек, ожидающий прибытия Джевачи, для соединения с его отрядом и похода на Джизак. Затем от спасенных женщин, Янковской и Ключевой, я узнал, что 21 июля Джевачи выступал на Джизак, но, увидев пожар с. Караташ, вернулся со своими и убежал в горы.

Находясь в отряде, из расспросов верных мне богданцев я узнал, что 19 июля с. г. главарь адина-сарыкцев Мулла Абдулла и Джевачи принимали присягу на то, что убьют богданского волостного управителя. Насколько мне известно, Джевачи и главарь рода тюрков Турсунбай Ходжи Суяндукоев объявили священную войну, а о адина-сарыкцах ничего не слышал. 25 июля сдался нам Джевачи. 26 июля нашли мы в сел. Ямчи труп Сибирцева; по словам солдат, труп прикрыт был камнями, и сверху лежал труп собаки. Я не заметил следов обжогов на трупе. 27 июля нарванский старшина Саурукской волости Санзарского участка передал офицеру отряда четыре письма от имени Джевачи, полученные им. Это именно те же, что теперь предъявлены мне (были предъявлены четыре письма, что при деле²⁾). Мои джигиты Ахмет и Норбек остались верны; они передали мне, кто именно громил мою канцелярию, в каком порядке происходил разгром и кто принимал участие в разгроме канцелярии и больницы. Все эти лица точно переименованы мною в дознании. Кто убил Сибирцева, выяснено было отрядом казачьим; не помню, кто был во главе отряда этого. Лица эти тоже мною переименованы в дознании. Я видел револьвер, отобранный у одного из задержанных тогда, именно Ишмата Палвана. Это именно был револьвер Сибирцева, который я ему дал на дорогу. Револьвер передан был начальнику отряда; не знаю, что с ним потом случилось. В самом Синтабе были два топографа с женами и мальчиком; толпы пытались убить их, бросали в них камнями, поранили, но спас их Катт-Ишан и перевел к себе в дом. Шесть статистиков, во главе с инструктором Джангалиновым, не подвергались, находясь среди киргиз, серьезным опасностям. Было на них небольшое нападение, забрали нож и подушку, но никому вреда не было причинено. Спас их киргиз Туткабай Балтабаев; нападали же на них Тулепа Арзакулов.

²⁾ См. стр. 78-79.

В моем участке были еще небольшие проявления бунта в Чардаринской волости, именно — киргизы нападали на дом лесообъездчика Гайкалова, где жила его жена с дочерью; нападение было с целью похищения дочери; спасли их киргизы: Джура Рахимов, Касымбек Байтенов и Аульбек Мухамедов. По донесению волостного управителя и заявлению самой Гайкаловой, в нападении участвовали: 1) Чиназбек Байчинов, 2) Турман Исмаилов, 3) Абу Ускенов, 4) Ирисды Аблаев, 5) Раджаб Хайдаров, 6) Казыбек Сафаков, 7) Сабден Садыков, 8) Кейчим Тохтыбаев, 9) Уюс Ибрагимов, 10) Мирза Ахмет Джан Тураев, 11) Ахмет Кулмухамедов, 12) Керфик Ахмедов, 13) Куаенбай Утаров, 14) Тоскара Бийтураев, 15) Кусак Сыркыбаев. Гайкалова жила в Чардаринской волости; ныне, кажется, переехали на ст. Сыр-Дарьинскую; сведения будут у местного лесничего.

Из моего участка деятельную помощь оказали нам при розысках виновных следующие лица, все богданские жители: 1) народный судья Богдан-Фарижской волости Абдул Хаким Мулла Мирзаев, 2) ингикишлакский старшина Маман Фарманов, 3) Мулла Абдулла Ходжа Мухамедов, 4) Мирза Кулбай Ризакулов, 5) Фазыль Имам-Назаров, 6) Касымбай Нурмухамедов, 7) Кулдаш Муминов, 8) фарижский волостной управитель Мулла Дехкан Курбанов. При доставлении в отряд Янковской и Ключевой я немедленно опросил их, и они под первым впечатлением назвали мне следующих туземцев, насильствовавших их: 1) Аман Ибрагимов, 6. стражник, 2) Рустам Абдурахманов, 3) Дабыль Абдурахманов, 4) Атакул Султанов, больничный сторож, и 5) какой-то джизакский сарт, фамилии не знаю. Отец Атакула — Султан жил вблизи моей канцелярии, поэтому он должен знать всех бунтовщиков, разгромивших канцелярию. Он выдал Янковской спрятанные им ее вещи; среди этих вещей оказалось мое одеяло из моей квартиры. Оно находилось в куржуме при моем отъезде. Как оно оказалось в больничных вещах, не знаю, — не спрятал ли он одеяло тоже с целью выдать мне его, не знаю. Добавляю: кроме Джевачи Мулла Абдуллы, еще Мулла Ачильды был главным инициатором того, что я переехал в дом Джевачи. Именно по его настоянию Джевачи пригласил в свой дом меня и всех русских в качестве гостей, что гарантировало нам, по туземным обычаям, полную безопасность; в доме Джевачи тем более не могло быть произведено убийства, так как он «хаджи», т. е. мусульманин, ездивший на поклонение в Мекку. Больше по делу показать ничего не имею. — Прочитано. Зачеркнуто: «кто . . . верно».

Подлинный за надлежащими подписями. С подлинным верно.

И. д. судебного следователя Самаркандского окружного суда

Маслянкевич.

При допросе присутствовал тов. прокурора Д. Никольский.

Протокол допроса обвиняемого²⁾.

1916 года августа 9 дня. Г. Джизак. Судебный следователь Самаркандского окружного суда, согласно постановлению от сего числа 1916 г., допрашивал нижепоименованное лицо в качестве обвиняемого, причем допрашиваемому, по удостоверению согласно ст. 443 у. у. суд. в его само-

²⁾ ЦАУ УССР, ф. № 2, с. о., д. № 164а, лл. 105—111.

личности, было объявлено, что на него падает обвинение в преступлении, предусмотренном 13, 263, 268 ст. улож. о нак. и 123 ст. уг. ул., упомянутом в постановлении о привлечении его в качестве обвиняемого, которое было ему при этом объявлено.

На предлагаемые следователем вопросы даны ответы через предрешенного по 443 ст. у. у. с. переводчика:

Абдурахман Ходжа Абдуджабаров (Джевачи), 68 лет, родился, приписан и проживал в сел. Яны, Богданской волости, узбек, магометанин, малограмотный, женат, 8 сыновей, 4 дочери, земледелец, подрядчик, арендатор весового сбора по всему участку; имею 100 десятин пахотной земли, 10 домов, 5—10 лавок; особых примет не имею, под судом не был.

Я не признаю себя виновным в том, что с 13 июля с. г. по предварительному соглашению с другими принял участие в явном восстании против властей и правительства Российской империи с целью воспрепятствовать приведению в исполнение высочайшего повеления о наборе рабочих из туземцев для нужд армии и стал во главе восставших, причем участвовавшие в этом восстании все или частью были вооружены разным огнестрельным или холодным оружием, а самое восстание сопровождалось убийствами и истязаниями русских и туземцев из лиц администрации и частных лиц, а также порчею железнодорожного пути, телеграфа, грабежами, поджогами и другими насильственными действиями, т. е. в преступлении, предусмотренном 13, 263, 268 ст. улож. о нак., 123 ст. угол. уложения.

В свое оправдание объясняю.

Нет, главарем я не был и восстания не организовал.

На предложенные вопросы отвечаю.

До завоевания края в Джизакском уезде было несколько отдельных беков, подчиненных Бухарскому ханству. Насколько помню, были отдельные беки: в Чардары, Заамине, Хавазе и Ура-Тюбе. Чардаринским беком был мой отец. Отец командовал войсками во время завоевания края в чине «токсаба», я же, 18-летний юноша, был в чине «джевачи» (третий чин). В сражении с русскими под Кок-Тюбе (Кок-Тюбинской волости) отец мой был убит.

Происхождение свое мы выводим из рода «мангытов», из того же рода, из какого происходил и бухарский эмир. Это считается у туземцев самый почетный род; он разделяется в богданском участке на десять подродов, во главе каждого имеется свой представитель, обыкновенно самый богатый в своей среде. Я был представителем одного из таких подродов, именно «шаталиб». Мулла Абдулла Ходжа Мухамедов был представителем другого такого подрода адина-сарыкцев.

Ни одного из предъявленных мне четырех писем я не признаю писанным мной. Мне неизвестно, кто писал эти письма; единственно лишь письмо, отмеченное № 2, я опознаю: написано товарищем Назыр-Хана Мулла Магомед Раимом Мулла Абдураимовым. Печать внизу моя. Я давно потерял ее, поэтому думаю, что нашедшие ее могли свободно пользоваться ею присылке писем, от моего имени, но без моего ведома посылаемых. Когда же вами задан был вопрос, что печать совершенно новая и представлен на ней год «1916», я изменяю свои показания и заявляю, что печать вовсе не моя, а поддельная. Мою печать вырезывал лет 30 тому назад джизакский Мулла Абдулла, фамилию не знаю. Жив ли он или же умер, не знаю. Он был золотых дел мастером, жил, кажется, в квартале

Ташкентлик. На моей печати вырезано было «Абдурахман», без титула «бека»; этим титулом я никогда не именовался. Кто эти лица, упоминаемые в письмах под названиями Мулла Данияр Разакбай, не знаю.

1) Калындар Ходжа это влиятельный человек в сел. Сарымсак, Фарижской волости. 2) Хайдар Токсаба, он влиятельное лицо в сел. Ишма, той же волости (Фарижской). 3) Мулла Джайнак Абдурасулев, это представитель пяти подродов, живет в селении Иланчи. 4) Назар Дума это «казы-тупи», главарь, по отчеству Париаев, живет в сел. Осман-Сай. 5) Мулла Кыйджа, по отчеству не знаю, он муфтием в с. Челек, Катта-Курганского уезда. 6) Мулла Умар Мулла Турсунов это бывший волостной управитель Саурукской волости, живет в сел. Нарван.

Я прошу отложить допрос дальнейший, так как устал. — Прочитано. Переведено. Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно.

И. д. судебного следователя Самаркандского окружного суда

Маслянкевич.

При допросе присутствовал тов. прокурора Д. Никольский.

Протокол допроса обвиняемого ¹⁾.

1916 года августа 11 дня. Г. Джизак. Судебный следователь Самаркандского окружного суда, согласно постановлению от 191 г., допрашивал нижепоименованное лицо

На предлагаемые следователем вопросы даны ответы через предрешенного по 443 ст. у. у. с. переводчика.

Имя, отчество и фамилия: Абдурахман Ходжа Абдуджабаров (Джевачи). Известный по делу.

По делу дополнительно показываю.

До прихода русских главным беком в Джизакском уезде был Алла-яр-бек Парманчи из рода «мангытов», по происхождению из гор. Карши. Алла-яр-бек погиб в сражении с русскими; из его потомков никто не остался в Джизакском уезде. У отца было шесть сыновей, из них остался в живых только я и мой брат Бабабек. Имущество отца после покорения края не было конфисковано. Я наследовал большое наследство. Раза два был волостным управителем. Всегда отличался большою привязанностью к русским и был верноподданным государю, императору. Никаких агитаторов в нашей волости или участке никогда не появлялось; никто ни из Бухары, ни из Афганистана, ни из Турции, ни из Персии, ни из других стран не приезжал бунтовать, и не доходило до меня слухов, что бунтуют в других местах. Всегда туземцы были верноподданными и не думали волноваться и бунтовать. Когда пристав объявил нам о предстоящем наборе рабочих для нужд армии, я, действительно, просил пристава разрешить послать нам людей узнать, как поступают большие города Ташкент и Самарканд. С разрешения пристава от девяти наших волостей поехали в Ташкент — Хайдар-кул Ходжа в Самарканд Дауранбай Мирзабаев и Ибраим, фамилии не знаю, из адина-сарыкцев. После возврата я их не видел и, какие привезли вести, не знаю. О решении в Кара-Таше «не давать рабочих ни в коем случае», я не слышал. Никако-

¹⁾ ЦАУ УзССР, с. о., ф. № 2, д. № 164, лл. 107—111. Написан на печатном бланке с пропусками.

го сигнала восстания из Джизака никто не ожидал. Сопевания у нас действительно происходили, — совещались у меня, у Хайдар-кула Ходжи, у Абдуллы, у Токтабая, но об организации восстания ничего не говорили, и о таком никто и не думал. Хайдар-кулу-Ходже дали мы наставления: денег — не жалеть, на все стороны ходатайствовать и говорить с переводчиками, адвокатами, чтобы нашлись для нас ходатай перед государем императором, который испросил бы освобождение нас от набора для армии. Дауранбаю Мирзабаеву и Ибраиму дали мы общими силами 30 рублей на дорогу. К кому они обращались в Самарканде и в Ташкенте, мне неизвестно. Никаких определенных лиц и мест мы им не указывали. Из Джизака доходили до меня слухи, что отправились в Ташкент узнавать, как быть с набором рабочих, какой-то незнакомый мне Назыр Ходжа с другом своим имамом. Кто их выслал и к кому в Ташкент они ездили, мне неизвестно. У нас набор рабочих назначен был на 24 июля, насколько не ошибаюсь.

13 июля с. г. у нас был съезд всех влиятельных и почетных лиц, ввиду ожидавшегося в скором времени приезда начальника уезда, по поводу этого набора. Под вечер прискакал к приставу устукский старшина и сообщил, что в Джизаке убиты уездный начальник, пристав, переводчик, старшина и другие и что, когда был на половине дороги, то видел пожар на станции. Старшина этот вскоре поскакал дальше; вечером явился волостной управитель Синтабской волости, который подтвердил слова старшины.

Ночью стали прибывать к нам беженцы из Джизака. Как раз вечером отправился в Джизак мой брат Бабабек. Поехал он по своим торговым делам к Мухамедкулу, фамилии не знаю; я его не посылал. В ночь с 13 на 14 июля у нас происходили совещания относительно набора рабочих; о том, что готовится восстание, никто ничего не говорил. 14 утром я и другие почетные лица собрались у пристава и просили его перейти в мой дом, где ему будет безопаснее.

Я считал своей обязанностью защищать пристава, если бы случилось нападение на него в моем доме. Обычай такого, как у других народностей, о неприкосновенности гостя в доме хозяина среди наших узбеков не существует. Мулла Ачильды и другие потому настаивали, чтобы пристав перешел в мой дом, что я жил ближе всех в самом селении, а они дальше. Ночью пристав вернулся к себе и потом уехал в степи к киргизам, объявив, что должен наблюдать за набором рабочих. 15 июля с. г. акушерка Янковская, по моей просьбе, передала мне ключи от канцелярии пристава; я поставил вблизи канцелярии охрану из своих людей, именно: 1) Халыкула, Мумина, Ахмата, Атакула и Нарбека, все б. стражники, один лишь Атакул — больничный сторож. Я пришел потом вторично к канцелярии пристава вечером; тогда увидел, что канцелярия разгромлена. Из моей стражи остался один лишь Ахмат; он объяснил мне, что из грабителей опознал одного лишь Матляба Кунабаева, который будто взял ружье из канцелярии. Никого больше не знаю, кто грабил канцелярию.

В субботу 16 июля никаких происшествий у нас не было. В воскресенье 17 июля наши богданцы стали небольшими партиями ездить в Джизак узнавать, что случилось. Жители Ян-Киплака собрались толпой человек в двести и обратились ко мне с просьбой стать во главе их для похода на Джизак. Они просили у меня благословения. Я тогда, уступая просьбам народа и почетных лиц, дал им благословение только в той форме, что погладил себя по бороде и сказал: «Если хотите, идите». Но

отказал им стать во главе похода. Из почетных лиц тогда у меня были: 1—2) Дауран и Хафиз, ставшие во главе жителей сел. Ян-Киплак; 3) Мирза кул Ходжи из сел. Курба, 4) Каримбай Угамбердыев — сел. Ян-Киплак, 5) Мулла-Дауран Бердыяров — с. Ян-Киплак, 6) Бердыяр Куанов — с. Ян-Киплак, а также старшины, 7) Маман Парманов Ян-Киплакского общества, 8) Балхы Бахманов, старшина из сел. Иланчи, 9) Мулла Джанкабыль Рахманкулов из с. Осман-Сая, 10) Зулфукар Юлдашев, Нурекский старшина, 11) Мулла Хасан Мулла Тогаев — сел. Ян-Киплак, 12) Мулла Абдулла Ходжа Мухамедов — с. Ян-Киплак. Я даже их уговаривал подождать, пока не вернется из Самарканда Дауран с известием, как там: спокойна или тоже восстание против русских. Тогда приехал ко мне дотеле мне неизвестный джизакский ишан Назыр Ходжа с имамом Мулла Раимом Мулла Абдураимовым и Махмудбаем, фамилии не знаю, из сел. Иланчи. Назыр Ходжа сообщил мне, что железная дорога между ст. Сыр-Дарья и Куропаткино испорчена и мосты сожжены. Он обещал привести много войск, и мы условились, что соберемся все в местности Клы в расстоянии одного таша (8 верст) от Джизака. Назыр обещал послать письмо с назначением срока. Письмо от Назыра Ходжи было мною получено; в нем значилось, что на 21 июля, в четверг, собираются все толпы в местности Клы, там приготовлено много запасов провианта и оружия. Выступили ян-киплакцы в Клы в среду и прибыли туда в четверг, 21 июля. Я присоединился к ним из любопытства. В Клы мы застали уже толпу в 600 человек под командой Джайнака (сел. Иланчи), все были жители сел. Иланчи, Осман-Сая и сел. Нурат; многие из них были вооружены револьверами, ружьями, пашками, топорами и палками. Толпа ян-киплакцев была вооружена, всего каких 20 двухстволками и револьверами не больше 10 штук¹⁾; все были всадники, пших не было.

Оказалось, что Назыр Ходжа нас обманул, привел с собою человек 10—15. Оружия и провианта тоже не оказалось. В Клы был общий совет, на нем присутствовали все вышепоименованные главари и почетные лица. Обсуждался вопрос о назначении бека для войны с русскими. Назыр тогда говорил, что у него в городе Джизаке много оружия, револьверов и ружей. Сам он был вооружен пятизарядною винтовкой и двумя револьверами (браунингами). Все предлагали мне объявить себя беком, указывая на то, что происхожу из почетного рода и отец мой был беком. Я же отказался от этого, ссылаясь на то, что я стар и не джизакский. Потом выбор остановился на Назыре Ходже, как молодом и энергичном и притом городском жителе. Назыр согласился. Все произнесли «Аминь Алла акбар», выразив тем, что дело решено. Однако поход на Джизак не состоялся, так как не оказалось ни фуража, ни провианта. Я все разошлись. Все вернулись в Богдан. Да, я вспомнил: находясь в с. Клы, я узнал, что войска жгут сел. Кара-Таш, находящееся неподалеку с. Богдан. Да, я вспомнил: был еще в с. Клы Каляндар Ходжа с жителями сел. Сарымсак. Сатара Ходжи и Катта Ходжи там не было.

Газават объявлен был у нас всеми по частям, каждый главарь в своей части. Для объявления газавата особой формулы не существует, а просто провозглашается «газават».

¹⁾ Так в подлиннике.

На следующий день после рамазана (вторник 19 июля), когда я давал благословение итти на Джизак, в то же время я объявил «газават» своим ян-кишпакцам.

В сел. Клы все мы собирались именно с целью священной войны. Выступая в поход на Джизак, мы приготовили себе знамена; у меня, у Джайнака и у Даурана с Хафизом было по одному знамени, всего три знамени. Знамена были из белой материи, величиною около двух аршин, с надписью, крупными в $\frac{1}{4}$ аршина величиною буквами, чернилами, от руки сделанными, гласящей: «Ля-иляха иллях ля Мухамед-Расул-юллях» («Нет бога, кроме бога, Магомет — пророк его»). На совещании в сел. Клы рассуждали о предстоящих планах на будущее время. Ведные и темный народ, разумеется, думали, что русские уже изгнаны из Джизакского уезда или еще больше, что настало время мусульманского мира. На совещании более разумные сторили и меньше планы. Однако говорили о том, что образуется отдельное владение «бекство» — с какими границами, не определялось, так как неизвестно было, какой успех будет «священной войны». О присоединении к какому-либо другому государству не было речи и, по моему, никто и не думал. Возник вопрос, что ведь для «бекства» самостоятельного нужно вооружение армии.

Назыр-хан тут вызвался вооружить армию, обещая, что в Джизаке у купцов и богатых людей много ружей и револьверов и хватит для войны с русскими. Это неправда, что я вступал в Джизак в роли «бека». Это неправда, чтобы я в Кул-баше или в другом месте объявлял себя «беком». Да, Шариф Байбача из Джизака приезжал ко мне; приехал он по делам покупки шерсти еще до восстания в Джизаке, потом же во время восстания уехал в Самарканд к своему компаньону Хасану Абдукадырову (кв. Наугандалик 3 части).

Впродолжение 50 лет народ был смиренный и спокойный. Единственно лишь предстоящий набор рабочих для армии вызвал всеобщее недовольство. Однако я не умею объяснить, как случилось, что весь Джизакский уезд почти одновременно взбунтовался и объявил «газават».

Имелась ли у восставших районов связь с Заамином и Санзаром, а также другими местностями, мне неизвестно. Больше по делу показать ничего не имею. — Прочитано. Переведено. Записано правильно с моих слов.

Подлинное подписали. С подлинным верно:

И. д. судебного следователя Самаркандского окружного суда
М а с л я н к е в и ч.

При допросе присутствовал тов. прокурора Д. Н и к о л ь с к и й.

Письма Абдурахмана Джевачи старшине сел. Нарван Мулла Данияру ¹⁾

1.

Во имя бога. Приветствие моему брату Данияру от Абдурахмана Ходжи. Мы 5—6 дворов включены в список селения Янги-Кургана. Вы никоим образом не запишите нас в список. Привет. А б д у р а х м а н Х о д ж а.

¹⁾ Печатаются по официальному переводу в деле Туркестанского военно-окружного суда (ЦАУ УССР, с. о., ф. № 2, д. № 164а, л. 86). Сохранились подлинники только 1-го и 3-го писем, написанных рукой самого Абдурахмана Джевачи, в том же деле, лл. 6—7.

2.

Во имя бога. Привет от Абдурахмана Ходжи, Разакбая, Каляндара Ходжи и Хайдара Токсаба господину муфтию Мулла Данияру и всем от младшего до старшего. Сим извещаем, что после совершения молебна пишень (в полдень) выступили на базаре Богдан с целью священной войны (газават). За исключением женщин, до единого вооружившись, приходите. Едем в Джизак. Собираемся... (одно слово неразборчиво); извещайте всех, чтобы никто не остался¹⁾.

3.

Привет бесконечный от ничтожного всем малым и старшим братьям нарванцам. Извещая, что мы здоровы, чего желаем и вам. Ваши слухи оказались неверны, он вернулся в место стоянки. Писал ничтожный. Привет (подписи нет).

4.

Привет от Абдурахмана Джевачи и Мулла Джайнака из Осман-Сайя, а также от сборища Назар Дума. Сборищам Мулла Кынджа Казы, Мулла Умара и Мулла Данияра. Из Кара-Таша выступили на нас войска и дошли до нас. Сжигают Нурак. Вы, как родственники, приходите скорее. Мы, собравшись в Осман-Сайе, человек 500, ожидаем вас. Идут на нас солдаты, приблизительно человек 40, из коих двадцать мужчин и двадцать, повидимому, женщин. Сегодня в пятницу вечером приходите. Дай бог вам здоровья.

Протокол допроса ²⁾.

1916 г. августа 14 дня. Г. Джизак. Судебный следователь Самаркандского окружного суда в камере допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. у. у. с., и он показал.

Д м и т р и й Н и к о л а е в и ч В о д о п ь я н о в, 36 л., православный подполковник Ташкентского наследника цесаревича кадетского корпуса.

13 июля с. г. я был командирован вр. и. д. командующего войсками для расследования в Джизак. Выехать мне в тот же день оказалось невозможным, так как поездов не было ввиду порчи железнодорожного пути. Только 14-го утром я с воинским поездом выехал на ст. Урсатевская, оттуда на паровозе прибыл в Обручево, где застал поезд с воинскими частями и отрядами рабочих для починки железнодорожного пути. Там же находился военный губернатор Самаркандской области генерал-майор Лыкошин. 15 июля пополуночи неподалеку станции Ломатино на встречу нашим поездом выехал со ст. Джизак поезд с отрядом рабочих, которые под охраною воинских частей починяли путь с другой стороны. 15 июля вечером наши поезда прибыли на ст. Джизак. 16 июля утром стали доходить известия о появившихся со всех сторон толпах туземцев. Полковник Владиславлев, под командой которого находились воинские части, взяв роту или другую часть, отправился по неизвестному мне направлению. В то время из города принесли вести, что на «Пьяной горе»,

¹⁾ На подлинном имелась печать: Абдурахман бек Абдуджабаров. 1334 г., т. е. 1916 г.

²⁾ ЦАУ УССР, с. о., ф. № 2, д. № 164а, лл. 125—130.

походящейся при самом городе, стали появляться группы туземцев и видны толпы их, приближающиеся к городу. С разрешения генерал-майора Лыкошина я, взяв орудия с соответственным к ним прикрытием, отправился в русский город Джизак на «Пьяную гору». До моего прихода туземцы уже отступили с этой горы; по донесениям разведчиков, они сосредоточились в старом городе Джизаке, отдаленном в верстах пяти от русского города Джизака.

По объяснениям местных жителей русского г. Джизака, а также указаниям подполковника Афанасьева, помощника уездного начальника Джизакского уезда, сарты собрались на базарной площади в старом городе, где обыкновенно получают благословение от ишанов. Находя необходимым принять меры к охране русского города и рассеять толпы, я распорядился выбором позиции для орудий и произвел несколько выстрелов по базарной площади. Сведения оказались вполне верными, так как поднялись полосы пыли, и видно было множество всадников, бегущих из города. По группам таким произведено было несколько выстрелов. Намереваясь совершенно очистить город от мятежников, я отправился в старый город. По дороге по сторонам встречались нам во многих местах группы туземцев, — все были вооружены или ружьями или револьверами. При нашем приближении сборища бросались в стороны, и лишь разведкам, высланным по сторонам, пришлось вступить с ними в перестрелку и рассеивать их.

При приближении к базарной площади я получил известие от дозоров, что на площади собралась большая толпа сартов. Несмотря на то, что я поспешил со своим отрядом ускоренным аллюром, однако до нашего прибытия толпа рассеялась. В туземном городе в старой туземной крепости оказалось очень хорошее для наблюдения над всем городом место. Местные жители указали мне два пункта, где, по их сведениям, всегда собирались туземцы в усадьбах каких-то, — не помню, каких, — главарей восстания. Так как пройти с отрядом к этим местам ввиду узости улиц было невозможно, я распорядился произвести несколько выстрелов орудийных по этим пунктам. Опять сведения оказались верными, так как поднялись полосы пыли, показались толпы, скачущие в поле, за город; по убежавшим за городом уже произведено было несколько орудийных выстрелов.

Со мною отправившись в старый город некоторые из русских, которые давали мне ориентировку. Они настойчиво просили принять меры к освобождению их семейств, оставшихся в старом городе; принятыми тогда же мерами удалось освободить некоторые семейства, — не помню, кого именно и сколько человек, — указать их может, полагаю, подполковник Афанасьев.

Пройти весь город и очистить его от мятежников мне не удалось, так как получено было приказание от полковника Владиславлева вернуться на станцию Джизак, что и было мною сделано. На ст. Джизак я застал приехавшего полковника Иванова, назначенного начальником джизакского карательного отряда. Явившись к полковнику Иванову, я доложил ему о моих действиях; таковые были им одобрены; по его распоряжению, я был присоединен к его же отряду.

16 июля с. г. мне было поручено принять меры к охране станции Джизак, что и было исполнено. 17 июля с. г. полковником Ивановым я был назначен начальником пехоты отряда, выступавшего под его предводительством в Заамин. На станцию Обручево наш отряд прибыл поздно

вечером и сразу, выйдя из поезда, приняли мы направление на Заамин. Все встречавшиеся нам по дороге селения (кишлаки), как равно и сам Заамин, оказались покинутыми; жители все уехали. Посланная вперед рота пехоты привела семью пристава Соболева, жену и 2 сыновей, фельдшера, его трех дочерей и двух сартов, у которых они нашли приют от мятежников. Все время по дороге в Заамин кругом нашего отряда появлялись группы вооруженных сартов. Полковник Иванов приказал приступить к карательным действиям. 18 июля с. г. наш отряд прибыл в Заамин. 19 июля сего года полковник Иванов вернулся в Джизак, а команду отрядом поручил мне. Моею задачей было пройти долиной между горами и линией железной дороги. 20 июля с. г. в 4 часа утра я выступил по направлению к селению Рабат. В часов 10—11 дня отряд отдыхал, так как переход был крайне утомителен, особенно еще ввиду отсутствия воды. Все время похода издали на горах показывались группы вооруженных всадников туземцев, — группы не больше как в 10 человек, изредка доходившие до 50 человек. Видно, разведчики, высланные на разведку. Все селения, встречавшиеся по дороге, были совершенно пусты. Во время отдыха получено было известие, что отряд под командою прапорщика Якушева в 12 человек, посланный вперед, вступил в перестрелку с туземцами-мятежниками вблизи самого Рабата, в расстоянии верст 20 от места нашего отдыха. Мною послано было 20 человек казаков (все, какие были у меня) с целью принять меры к обходу мятежников, чтобы окружить их. Казаки вступили в перестрелку с мятежниками. Мой отряд прибыл в Рабат поздно вечером. Оказалось, что отряд Якушева ввиду недостатка воды отошел на ст. Ломакино. По докладу казачьего урядника, в сел. Рабат спрятались человек 400 мятежников под руководством какого-то человека в белом кителе. Чтобы устранишь мятежников, мною тогда же поздно вечером произведено было несколько орудийных выстрелов в ту сторону, где прятались мятежники.

21 июля с. г. мои разведчики, разыскивая воду, донесли мне, что вблизи отряда в горах находятся полчища мятежников, которые спускаются на сел. Рабат. Мною немедленно были приняты меры к тому, чтобы обойти мятежников с флангов и встретить их шрапнельным огнем. Действительно, с ближайших гор стали спускаться толпы вооруженных всадников, слышались выстрелы из толпы, толпы стали собираться внизу на равнине. Тогда мною открыт был артиллерийский огонь по мятежникам. При первых выстрелах мятежники обратились в горы и стали прятаться среди скал, однако время от времени стали появляться отдельные группы на горах, по ним также открывался огонь. В такой перестрелке находились мы до вечера того дня. Получив приказ вернуться в Джизак, я 22 июля с. г. вернулся в г. Джизак. (Полковником Ивановым тогда же я был назначен начальником штаба джизакского карательного отряда). Оказалось, как я узнал в Джизаке, 21 июля из Джизака выступил отряд с пулеметом под командою помощника уездного начальника подполковника Афанасьева. Отряд этот вскоре вернулся, потеряв одного казака. Мне 22 июля с. г. приказано было выступить в с. Клы, откуда мятежники напали на отряд подполковника Афанасьева, и рассеять полчища мятежников. Выступив в 2 часа ночи, чтобы незаметно подойти к с. Клы, я принял меры к тому, чтобы с трех сторон окружить селение. При нашем приближении к с. Клы вдали показалась группа в 60 человек всадников, быстро удалявшаяся в горы. В самом сел. Клы ни в окрестностях мятежников не было обнаружено.

Нашли мы лишь труп казака из отряда, высланного 21 июля. Труп был совершенно голый, на ногах были вырезаны из кожи ремни, нос и половой член были отрезаны, все тело с многочисленными ранами. Вблизи трупа валялись порванные остатки — обрывки снаряжения. Опознать труп можно было только по волосам.

Начальником карательного отряда полковником Ивановым высланы были немедленно в разные стороны воинские части по направлению в те места, где потерпели русские или где ожидалось выручить русских из рук мятежников. Во главе таких отрядов были разные лица; некоторые отряды существовали недолго, некоторые начальники часто сменялись. Больших отрядов выслано было, насколько помню, шесть: 1) капитана Ефимова, — отряд этот одной из своих задач имел установление связи Заamina с Санзаром; из отряда погиб один казак, а другой был ранен. Казаки эти были, видно, окружены мятежниками и погибли в неравной борьбе; раненый умер в больнице. 2) Второй отряд был под моею командою, о чем выше давал показания. 3) Был под командою есаула Донскова, направился в Богдан. 4) Под командою подполковника Афанасьева, помощника уездного начальника, направился тоже в Богдан, но должен был пройти по горам; отряд этот вернулся, потеряв одного казака и не выполнив своей задачи. 5) Под командою подполковника Бархотова, с целью очистить от мятежников окрестности вблизи станции Милотинская и Санзар. 6) Под командою полковника Владиславлева, должен был очистить от мятежников старый город Джизак. Кроме этих отрядов в разное время высылались другие отряды под командою разных лиц. По донесениям начальников отрядов, всюду встречались толпы мятежников, вооруженных как холодным, так и огнестрельным оружием, — несмотря на появление войск время от времени пытались оказать вооруженное сопротивление, вступая в перестрелки с воинскими частями, но вскоре быстро рассеивались под нашими выстрелами.

К 25 июля полковник Иванов счел восстание ликвидированным, и сам отправился с докладом к командующему войсками. Действительно, после этого числа массовых выступлений со стороны туземцев не было, случались только единичные нападения со стороны туземцев на отдельных лиц. Такие нападения случались даже и в августе месяце, — именно, в ночь с 1 на 2 августа каких-то три необнаруженных туземца произвели выстрел из револьвера в расстоянии 30 шагов по часовому, стоявшему на полотне железной дороги вблизи семафора ст. Джизак, и ранили часового в локоть руки. Кроме того 3 августа в старом городе Джизаке какие-то неизвестные туземцы стреляли по чиновнику земледелия Тюменцеву, проезжавшему без конвоя. Отрядами было прислано в штаб общим числом разных систем ружей штук 15, две-три пашки и три-четыре револьвера. Ружья были все системы старой, встречались винтовки системы Бердана кавалерийского и пехотного образца. Винтовок новых систем не было отобрано, три винтовки, отобранные у убитых казаков, обнаружены не были. Пашки были туземного и военно-артиллерийского образца. Револьверы почти все системы Смит-Вессона и Нагана. Как по моим личным наблюдениям, так и по донесениям, иностранных лиц среди мятежников не замечалось. Среди убитых не было никакого иностранца. Единственно только 17 июля с. г. один из прапорщиков, командующий ротой 732 дружины, охранявшей тогда ст. Джизак, сообщил мне в разговоре, что его солдатами ночью в яме, где были зарыты сартовские вещи, найден был заграничный паспорт какого-то немецкого под-

данного, визированный в г. Андижане. По его словам, паспорт этот препровожден был им по начальству полковнику Владиславлеву. О разговоре с этим прапорщиком я доложил полковнику Иванову. Что случилось с паспортом, мне неизвестно. Казачий сотник Кобылев, бывший в отряде подполковника Афанасьева, во время моего выступления в сторону с. Клы, докладывал мне, что у полчищ, нападавших с гор на отряд подполковника Афанасьева, было большое белое знамя. У нас в штабе не имеется сведений о существовании еще большего количества знамен. Ни одного знамени в штаб не было представлено. К перечисленным выше потерям воинских чинов надо еще добавить убийство туземцами рядового 732 дружины в саду вблизи станции Джизак 16 июля утром.

За подписью и с подлинным верно. И. д. судебного следователя Самаркандского окружного суда Маслянкевич.

При допросе присутствовал тов. прокурора Д. Никольский.

Постановление.

1916 г. августа 18 дня. Г. Джизак. Судебный следователь Самаркандского окружного суда, рассмотрев настоящее дело, нашел.

В первых числах июля 1916 г. туземцам Джизакского уезда было объявлено высочайшее повеление о наборе рабочих из их среды для нужд армии и приказано было немедленно приступить к составлению списков рабочих.

Объявленная мера правительства вызвала недовольство среди туземцев. В Синтабской и других волостях пятидесятники сразу заявили, что без прямого согласия населения дать рабочих не будут составлять списков. В Богданской волости самое влиятельное и почетное лицо Абдурахман Джевачи Абдуджабаров сейчас же отправил своих людей в большие города Ташкент и Самарканд узнавать, как в этих местах поступят туземцы, и просить ходатайства об отмене предстоящего набора рабочих туземцев. От г. Джизака поехал в Ташкент ишан Назыр Ходжа Абдусаламов.

В середине июля с. г. Джизакскою администрацией назначен был по всему уезду поверочный сбор рабочих, помещенных в списках, составленных туземной администрацией.

На 12 июля 1916 г. в 6 часов пополудни полицейским приставом г. Джизака Зотогловым назначена была такая проверка по Джизаку. Туземцы, зная о поездке ишана Назыра Ходжи в Ташкент, ожидали с большим нетерпением его возврата. Около 4—5 часов пополудни 12 июля с. г. ишан Назыр Ходжа вернулся и торжественно был встречен толпою. Им привезено было известие, что в Ташкенте в связи с набором рабочих возникли беспорядки и что набор отложен до окончания мусульманского поста «ураза» (17 июля с. г.). Вести эти стали сильно волновать народ. Ввиду наступления сумерек, когда мусульманам разрешается разговляться от дневного поста «ураза», проверка рабочих приставом Зотогловым была отложена до утра следующего дня. В ночь с 12 на 13 июля с. г. по всему городу происходили среди туземцев совещания по поводу набора рабочих.

13 июля утром собравшаяся по поводу набора рабочих на данном базаре в туземной части города Джизака толпа народа, потребовав от старшины Мирза Яра Худоярова уничтожения списков рабочих, ввиду

его отказа сделать это, во главе с ишаном Назыром Ходжой, набросилась на старшину и убила его.

Главарь толпы ишан Назыр Ходжа стал подстрекать народ к избиению всех русских административных, так и частных лиц, объявив священную войну «газават».

По взглядам туземцев, мусульманин, погибший в священной войне (шахид), заслуживает себе рай, а убивший «неверного» получает звание «газы» (победитель).

Возбужденная толпа, во главе с ишаном Назыром Ходжой, двинулась в сторону русской части г. Джизака, отстоящей в 5 верстах от туземной части.

Узнав об убийстве старшины, старший аксакал Мулла Хидыр Бай Юлдашев поскакал к уездному начальнику полковнику Рукину и приставу Зотоглову с докладом. Полковник Рукин распорядился немедленной высылкой войск в туземную часть города Джизака под командой своего помощника подполковника Афанасьева, сам же на извозчике в фаэтоне поехал в старый город вместе с приставом Зотогловым, ст. аксакалом Юлдашевым; за ними поскакали переводчик Мирза Хамдам Закирджанов и джигиты Камиль Джумабаев и Закир, вооруженные винтовками. По показаниям ст. аксакала Юлдашева, на половине дороги в туземную часть, в квартале «Ташлак», встретила им толпа туземцев, вооруженных палками, направлявшаяся в русскую часть. Полковник Рукин, выйдя со своими спутниками из фаэтона, пытался успокоить толпу. Из толпы раздавались крики: «Не дадим рабочих». Толпа окружила полковника Рукина и его спутников и стала отбирать у джигита Джумабаева винтовку; когда он сопротивлялся, посыпались на его голову удары палками. Желая защитить его, полковник Рукин с приставом бросились к Джумабаеву; в это время, как удостоверяет свидетельница Китаева, один из главарей толпы Ашур Инагуллаев, вооруженный пашкою, ударил его по плечу полковника Рукина, а вслед затем толпа палками убила на месте как полковника Рукина, так и пристава Зотоглова, переводчика Закирджанова и джигита Джумабаева.

Выступившая навстречу толпы воинская команда залпами рассеяла толпу. Туземцы разбрелись тогда на все стороны: часть направилась в русскую часть города, но, увидев, что городские жители, собравшись в церкви и вооружившись чем кто мог, готовы отражать нападение, отошла от города, другая часть бросилась на станцию Джизак, находящуюся в расстоянии полторы версты от русской части г. Джизака. Встретив сопротивление и на станции, толпы подожгли только бак с мазутом и разбрелись по полотну железной дороги, грабя и убивая поголовно всех железнодорожных служащих, сжигая их дома и увозя скот. Станция Ломатино была тогда целиком сожжена и разграблена. Телеграфные провода и полотно железной дороги были разрушены на большом пространстве между станциями Джизак и Обручево; железнодорожное сообщение удалось восстановить лишь к 16 июля; нормальное пассажирское движение восстановлено было значительно позднее.

Вспыхнувшее в Джизаке восстание быстро распространилось по всему Джизакскому уезду; всюду почетными туземцами объявлялась священная война против русских, все русские были поголовно избиваемы, женщины взяты в плен, обращаемы в мусульманство и многократно насилованы, все имущество русских, как частное, так и казенное, было разграблено, а жилые помещения сожжены.

В Богданском участке Джизакского уезда жил влиятельный туземец, известный и за пределами уезда, Абдурахман Абдуджабаров, по прозвищу Джевачи. Все туземцы относились к нему с особым почетом и уважением, как потомку древнего рода мангитов, сыну чардаринского бека, который погиб, командуя бухарскими войсками в сражении с русскими под Кок-Тюбе, в Джизакском уезде. Сам Абдурахман Абдуджабаров до завоевания края служил в бухарских войсках в чине «поручика», после смерти отца получил большое наследство, которое еще увеличил коммерческими делами, подрядами и арендой весового сбора в Богданском участке.

Джизакские события взволновали туземцев и в Богданском участке. Абдурахман Абдуджабаров вечером 13 июля послал за сведениями в Джизак своего брата Бабабека.

Ввиду враждебного настроения толпы в Богданской и соседних узбекских волостях богданскому участковому приставу Борило, во избежание смерти, пришлось ночью 14 июля уехать в киргизские волости.

После отъезда пристава 15 июля толпа богданцев, с Абдурахманом Абдуджабаровым во главе, разгромила канцелярию пристава и больницу. Акушерка Янковская и прислуга ее Клюева нашли себе убежище в доме главаря Абдуджабарова Джевачи, где хотя спасли жизнь, но подверглись насилию со стороны сыновей Джевачи и других лиц. Единственный русский, оставшийся в Богданской волости, лесобоездчик Бабин тогда же, 15 июля, был задушен туземцами, Рахматом Атамуратовым и другими.

Высланный в Джизак Бабабек Абдуджабаров (брат Джевачи) вернулся к брату вместе с делегацией от жителей гор. Джизака, во главе которой стояли: ишан Назыр Ходжа, имам Мулла Магомед Раим Мулла Абдураимов, джизакский богач, арендатор весового сбора Шариф-Байбача Худайбердыев и другие.

На происшедших в доме Абдурахмана Джевачи Абдуджабарова совещаниях, в коих приняли участие Джайнак Абдурасулев и другие, решено было объявить священную войну, итти, собрав полчища туземцев, в поход на Джизак, отвоювать его у России, образовать самостоятельное бекство во главе с избранным из их среды «беком». Собираясь решено было к 21 июля в местности Клы, в 12 верстах от города Джизака.

Действительно, к тому времени в местности Клы собрались большие толпы туземцев, вооруженных огнестрельным и холодным оружием. Во главе толпы стояли: Абдурахман Джевачи Абдуджабаров, Джайнак Абдурасулев, Калаяндар Ходжа Мухамед Амин Ходжаев, Назыр Ходжа Абдусаламов и другие. Первые трое пришли со знаменами из белой материи с надписью, по туземному значащею: «Нет бога, кроме бога, и Магомед — пророк его» (изречение Корана). В сел. Клы, по общей просьбе, Абдурахман Джевачи Абдуджабаров объявил себя «джизакским беком» и выступил в поход на Джизак.

Как раз в тот день был послан карательный отряд из 30 казаков, с пулеметом, под командою помощника джизакского уездного начальника подполковника Афанасьева. Целью отряда было очистить окрестные городу Джизаку туземные селения от мятежников, которые время от времени покаазывались в виду города, как бы для разведок.

Собравшие тогда в сел. Клы толпы туземцев окружили отряд подполковника Афанасьева и, обстреляв его, заставили вернуться в Джизак. Из отряда погиб один казак, труп которого был найден лишь 22 июля 1916 г. сильно изуродованным.

Принятыми начальником джизакского карательного отряда полковником Ивановым энергичными мерами восстание к 25 июля было подавлено; после этого массовых выступлений мятежников уже не было, случались лишь единичные нападения на солдат.

25 июля с. г. Абдурахман Джевачи Абдуджабаров, ввиду приближения войск, выехал навстречу войскам, приведя с собой «спасенных» им акушерку Янковскую и Ключеву. Абдуджабаров тут же и был задержан.

Допрошенные на следствии ишан Назыр Ходжа Абдусалямов, имам Мулла Магомед Раим Мулла Абдураимов, Абдурахман Джевачи Абдуджабаров, Джайнак Абдурасулев, отрицая то, что стояли во главе толп, задавшись целью отторжения от России Джизакского уезда, признали таковые цели в отношении друг друга, оговаривая один другого.

Судебный следователь, обсудив вышеизложенное и находя, что в действиях Абдусалямова, Абдураимова, Абдуджабарова и Абдурасулева, кроме преступных деяний, предусмотренных 13, 263, 268 ст. ст. улож. о нак., 123 ст. угол. улож., имеются признаки преступления, предусмотренного 51, 100 ст. угол. уложения, и согласно словесному предложению г. прокурору Самаркандского окружного суда, постановил:

1) Ишану Назыру Ходже Абдусалямову, 2) имаму Мулла Магомед Раиму Мулла Абдураимову, 3) Абдурахману Абдуджабарову (он же Джевачи) и 4) Джайнаку Абдурасулеву предъявить дополнительно обвинение в том, что они, по предварительному между собою и с другими соглашению, между 13—25 июля 1916 г., с целью образования самостоятельного мусульманского государства, насильственно посягали на отторжение от России Джизакского уезда Самаркандской области, для чего собрали вооруженные толпы туземцев, объявили «священную войну» («газават») против русских и, провозгласив Абдурахмана (Джевачи) Абдуджабарова «джизакским беком», выступили в поход на Джизак, причем 21 июля 1916 г. вели перестрелку с воинской частью, т. е. в преступлении, предусмотренном 51, 100 ст. уголовного уложения.

Подлинное подписал. С подлинным верно. И. д. судебного следователя Самаркандского окружного суда М а с л а н к е в и ч.

Постановление 4).

1916 г. октября 13 дня. Г. Джизак. Судебный следователь Самаркандского окружного суда, рассмотрев дело «О восстании туземцев в Санзарском участке Джизакского уезда», нашел.

В первых числах июля 1916 г. туземцам Джизакского уезда было объявлено высочайшее повеление о наборе рабочих из их среды для нужд армии и приказано было немедленно приступить к составлению списков рабочих.

Объявленная мера правительства вызвала недовольство среди туземцев; в некоторых волостях лица туземной администрации открыто заявляли, что без прямого согласия населения дать рабочих не будут составлять списков.

По всему Джизакскому уезду самые влиятельные туземцы стали совещаться, как поступить народу в отношении поставки рабочих; сами ездили или посылали своих людей в большие города Ташкент и Самарканд за указаниями, как поступят туземцы в больших городах и что

4) ЦАУ УзССР, с. о., ф. № 2, д. № 1646, лл. 141—144.

им делать. На всякий случай свое имущество и запасы провианта вывезли в горы.

Среди туземцев распространилось убеждение, что Россия ощущает недостаток в войсках, нехватает людей для войны, поэтому призывают туземцев вовсе не для работы, а для набора в солдаты.

В Санзарском участке Джизакского уезда самыми влиятельными лицами являлись: санзарский народный судья Туракул Турадбеков и брат его Ишанкул. Дядя братьев Турадбековых до завоевания края был «санзарским беком», отец же их состоял при брате в должности «карауд-бека». Пользуясь таким родовитым происхождением, братья Турадбековы приобрели громадное влияние и почет в своей среде.

С первых же чисел июля с. г., сейчас после объявления высочайшего повеления о наборе рабочих, в Санзарском участке под их руководством устраивались большие совещания. Влиятельные туземцы: Аликул Джурабаев, представитель племени «каштамгал», Курбанбай и Мухамед Мурад, братья Хусаиновы, посещая собрания братьев Турадбековых, в свою очередь, в своих селениях собирали почетных туземцев для обсуждения вопроса, как должны реагировать туземцы на призыв для работ.

Джизакский уездный начальник полковник Рукин принял все меры для успокоения туземцев; во многих местах уезда лично объяснял народу, что призываются лишь для работ, а вовсе не в солдаты.

В Санзарском участке в с. Усмат лично уездный начальник разъяснил вызванным туда же почетным туземцам и народу порядок, причины и цель набора рабочих. Несмотря на вызов, санзарский народный судья в с. Усмат к уездному начальнику не явился, вследствие чего был вызван для объяснения в гор. Джизак.

В середине июля с. г. джизакской администрацией назначен был по всему уезду поверочный сбор рабочих, помещенных в списках, составленных туземной администрацией.

Первый поверочный сбор назначен был на 12 июля в 6 часов пополудни в гор. Джизаке. В тот же день вернулся в Джизак ишан Назыр Ходжа, посланный в Ташкент за сведениями, как поступать народу в отношении набора рабочих, и объявил народу, что в Ташкенте возникли беспорядки в связи с набором рабочих, и таковой отложен до окончания мусульманского поста «ураза».

За поздним временем 12 июля проверка рабочих по гор. Джизаку не состоялась, была отложена до следующего дня.

13 июля утром возбужденная ишаном Назыром Ходжой толпа убила старшину Худоярова и, объявив «газават», двинулась на русскую часть города Джизака, отстоящую в 5 верстах от туземной части.

Полковник Рукин, узнав о беспорядках в туземной части и движении толпы на русскую часть гор. Джизака, приказал части джизакской караульной команды выступить навстречу толпе, сам же с некоторыми должностными лицами поехал вперед, рассчитывая успокоить туземцев до прибытия воинской части. Как раз в то время, 13 июля с. г., явился в Джизак санзарский народный судья Туракул Турадбеков для объяснений уездному начальнику о причинах неявки в с. Усмат. С Туракулом приехал в Джизак брат его Ишанкул.

В русской части г. Джизака настроение было тревожное — мятежники двигались на город, все ожидали дальнейших событий; воору-

жившись чем кто мог, собрались в церкви, где решили защищаться от нападения мятежников.

Туракул и Ишанкул Турадбековы, увидев тревогу среди русского населения в г. Джизака и так как никому до них не было никакого дела, а все думали лишь о личной защите, уехали на станцию Джизак ожидать дальнейших событий.

В то время мятежниками были убиты уездный начальник полковник Рукин и бывшие с ним вместе пристав Зотоглов, переводчик Закирджанов и джигит Камиль. Выступавшая навстречу мятежникам воинская часть залпами остановила дальнейшее движение мятежников на русскую часть города. Мятежники рассеялись по сторонам и бросились разрушать железнодорожное полотно и убивать всех железнодорожных служащих.

Туракул и Ишанкул Турадбековы, узнав от мятежников, разрушавших железнодорожный путь, что в г. Джизаке бунт, что объявлен «газават», уездный начальник, пристав и другие должностные лица убиты, и наглядно убедившись в наступлении «мусульманских времен», кратчайшим путем через горы вернулись к себе в Санзар вечером 13 июля. Тогда же вечером 13 июля в Санзаре созвали народ с почетными лицами во главе. Туракул Турадбеков объявил о бунте туземцев в Джизаке и наступлении «мусульманских времен». Тогда же Туракул Турадбеков всеми собравшимися, в память прежнего величия предков, объявлен был «санзарским беком». В тот же вечер провозглашен был «газават» — священная война против русских.

Утром 14 июля, собрав толпу мятежников, Туракул Турадбеков двинулся с ними убивать русских. Неподалеку в Нушкент-базаре работали 14 статистиков, частью русских, частью мусульман и один еврей; при них находились санзарский волостной управитель и стражник Бегучий.

Полчища Туракула Турадбекова, во главе с братом его Ишанкулом Турадбековым, влиятельными лицами: Аликулом Джурабаевым, Мухамед Мурадом и Курбанбаем, братьями Хусайновыми и другими, перебили всех 14 вооруженных статистиков. Трупы их, разбросанные на протяжении $\frac{1}{2}$ версты, найдены были впоследствии войсками. Санзарскому волостному управителю удалось тогда скрыться от мятежников, а за стражником Бегучим часть мятежников долго гналась, пока не настигла его в сел. Калтай, где его и убили.

После убийства статистиков те же главари двинули толпы мятежников в с. Кок-Джар (в расстоянии 25 верст от Нушкент-базара), где в караулке жил объездчик Ососков с женой и 4 сыновьями. Около полудня 14 июля все тогда же были перебиты, караулка их разграблена. Трупы их обнаружены были сожженными...¹⁾

Энергичными мерами карательного отряда восстание туземцев в Джизакском уезде к 25 июля с. г. было подавлено. Потерпев поражение, полчища братьев Турадбековых вернулись к себе в санзарский участок. Братья Турадбековы пытались снова собрать толпы мятежников; когда же это не состоялось, убедившись, что «мусульманское время» не удалось, искали спасения в бегстве и скрылись.

¹⁾ Опускаем за недостатком места подробное описание обстоятельств, при которых были убиты восставшими лесобъездчики, статистики и т. д.

Другие главари бунта — Аликул Джурабаев, Мухамед Мурат и Курбанбай Хусайновы тоже поспешили скрыться.

По настоящее время удалось задержать одного лишь Туракула Турадбекова, который и привлечен к законной ответственности по 51, 100, 123 ст. ст. угол. ул., 13, 263, 268, 1459 ст. ст. ул. о наказаниях.

Судебный следователь, обсудив вышеизложенное и находя, что 1) Ишанкул Турадбеков, 2) Аликул Джурабаев, 3) Мухамед Мурад Хусайнов и 4) Курбанбай Хусайнов достаточно участвуют в преступлениях, предусмотренных 41, 100, 123 ст. ст. ул., 13, 263, 268, 1459, 1525 ст. ст. уложения о наказаниях, постановил: 1) Ишанкула Турадбекова, 2) Аликула Джурабаева, 2) Мухамеда Мурада Хусайнова и 4) Курбанбая Хусайнова привлечь по настоящему делу в качестве обвиняемых, предъявив им обвинение в том, что а) с 13 по 25 июля 1916 г., по предварительному соглашению с другими, приняли участие в явном восстании против властей и правительства Российской империи с целью воспрепятствовать приведению в исполнение высочайшего повеления о наборе рабочих из туземцев для нужд армии, причем участвовавшие в этом восстании все или частью были вооружены разным огнестрельным или холодным оружием, а самое восстание сопровождалось убийствами, изгнаниями русских и туземцев из лиц администрации и частных лиц, а также порчей железнодорожного пути, телеграфа, грабежами, поджогами и другими насильственными действиями, причем, задумав оторгнуть от России Санзарский участок Джизакского уезда, провозгласив 14 июля 1916 г. «санзарским беком» Туракула Турадбекова, с целью свержения русского владычества, в тот же день став во главе полчищ, собранных Туракулом Турадбековым, повели толпы мятежников а) в Нушкент-базар, где мятежниками были убиты 14 статистиков, б) в Кок-Джар, где были убиты объездчик Ососков с женой и 4 детьми, караулка разграблена, а трупы сожжены, и в) в урочище Терекли, где были убиты: заведующий Зааминским лесничеством Запорин, тесть его, падчерица и объездчики Андрущенко, Петр.ев и Койнов, караулка разграблена и сожжена, затем 20 июля с. г. соединенными силами полчищ вблизи сел. Рабат, Рабатской волости, вступили в перестрелку с разведочной командой, вынудили ее отступить перед преобладающими силами мятежников, вечером в тот же день вступили в перестрелку с казаками, а на утро 21 июля пытались наступать на отряд подполковника Водопьянова, но были рассеяны прапудельным огнем отряда;

Ишанкулу Турадбекову также в том, что в соучастии с другими убил русскую девочку неизвестного звания, а также Ишанкулу Турадбекову, Мухамед Мураду Хусайнову и Курбанбаю Хусайнову в том, что 17 июля лично убили 3 детей Петряева, которым 14 июля удалось бежать от мятежников из караулки в урочище Терекли;

Мухамед Мураду Хусайнову и брату его Курбанбаю Хусайнову еще и в том, что, захватив в плен жену зааминского лесничего Валентину Запорину, изнасиловали ее, т. е. и по 13, 1525 ст. улож. о наказаниях; войти в Самаркандский окружной суд с представлением о сыске названных лиц через публикацию.

И. д. судебного следователя Самаркандского окружного суда
Маслянкевич.

Представление о сыске за № 384.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Наказ командующего войсками Туркестанского военного округа начальнику джизакского карательного отряда от 15 июля 1916 г. № 23552/1576¹⁾.

Полковнику Иванову.

Вы назначаетесь начальником войск, расположенных в районе Урсатьевского железнодорожного узла и Средне-Азиатской дороги в районе Джизакского уезда.

Состав войск: отряд полковника Владиславлена из 2 рот 732-й Саратовской дружины, 32-й батареи и взвода сапер, кроме того 2 роты той же дружины на охране участка дороги у станции Урсатьевская, а также сотня 4-го Оренбургского казачьего полка, прибывшая из Керков в Джизак.

Ваша задача: 1) занятие города Джизака.

2) Выяснение на месте во всех подробностях создавшейся обстановки при содействии самаркандского губернатора и местной административной власти.

3) Восстановление пути Урсатьевская — Джизак — Самарканд, а также телеграфной связи по всему пути. Прикрытие участка железной дороги Урсатьевская — Джизак.

4) По выяснении района, где было совершено убийство чинов администрации Джизакского уезда, и участников разрушения станций и железнодорожного пути и других неистовств, немедленно выступить в этот район с карательным отрядом.

5) В карательных действиях проявите железную твердость и решительность²⁾, имея ввиду как непосредственных виновников в убийстве и беспорядках, так и местное население, до известной степени ответственное за факт восстания против русской власти. Надлежит захватить главарей восстания, отнять награбленное и пр.³⁾.

6) Вы подчиняетесь непосредственно мне.

7) О всем ставьте меня в известность по телеграфу и посылкой нарочных офицеров или надежных нижних чинов.

8) В отношении вверенных вам войск, в строевом отношении, вы пользуетесь правами начальника дивизии.

9) При исполнении возложенного на вас поручения вы имеете право требовать полного содействия местного губернатора и чинов администрации и

10) К месту назначения отправляйтесь без замедления и поспешите установить связь с самаркандской областной администрацией и войсками, действующими со стороны Самарканда.

Вр. командующий войсками генерал от инфантерии Ерофеев.

Скрепил вр. и. д. начальника штаба полковник Михайловский.

¹⁾ ЦАУ УэССР, с. о., ф. № 219, д. № 7, л. 87. Печатается по отпуску; разночтения даны здесь по черновику, находящемуся в том же деле (л. 83), правленному рукой ген. Ерофеева.

²⁾ В черновике далее зачеркнуто: «и беспощадность».

³⁾ В черновике далее зачеркнуто: «Карательные действия должны заключаться в применении к главарям телесных наказаний и оружия до уничтожения селений восставшего населения».

Донесение военного губернатора Самаркандской области Лыкошина туркестанскому генерал-губернатору от 20 августа 1916 г. № 759¹⁾.

Начальник джизакского отряда 15 сего августа, за № 405, донес: разрушены и сожжены следующие туземные населения:

1) Джизакский район.

Сожжены — центр старого города Джизака; окрестности — кишлаки Клы, Кара-Клы и Сасык.

2) Богданский район.

Сожжены кишлаки: Кара-Таш, Ата, Кичи, Янги-Кишлак, Сафар-Ата, Сарымсак.

3) Зааминский район.

Сожжены: Заамин (почти весь), Каир-Яма (больше половины), Кара-Саргали (меньшая часть), Куржук (1/2), Кур-Казан (сожжено 7—8 дворов из 22), Ченг-Кайма (меньшая часть), Бююн-Турук (1/3), ст. Ломакино (20 лавок и караван-сараяв), Нибуса (3 двора из 15), Кара-Курсак (меньше 1/2, всего 50), Ак-Байра (все), Карабаш (меньше половины, всего 15), Тышик-Кулак (меньше половины из 20), Кишлак Чал (1/3 из 50), Карайти (3 двора из 50), Кабыль-Мазар (меньше половины из 40), Чит-Арык (1/3 из 50).

4) Санзарский район.

Сожжены поселки при ст. Милютинской (1/4 ч. села), Чулак (сожжено 2 дома), Кара (весь), Чубар (сожжено 2-3 дома), Кальтай (весь), Шуртепа, Катта-Кара-Мазар, Ташкескен, Шайбек (все), Джадык (1/2), Кырк, Таджик-Санзар, Карасу (1/2), Суфи, Джеты-Булак (все), Ак-Мулла (сожжено 2 дома), Кичик-Карашакшак, Катта-Карашакшак, Гуралас (1/2).

5) Пишагарский район.

Сожжены: Пишагарь — почти весь, Кочталь и Чамбиль — по несколько саклей.

6) Рабатский район.

Сожжено более половины кишлака Рабат.

Военный губернатор генерал-майор Лыкошин.

¹⁾ ЦАУ УэССР, с. о., ф. № 11, д. № 1135, л. 301.